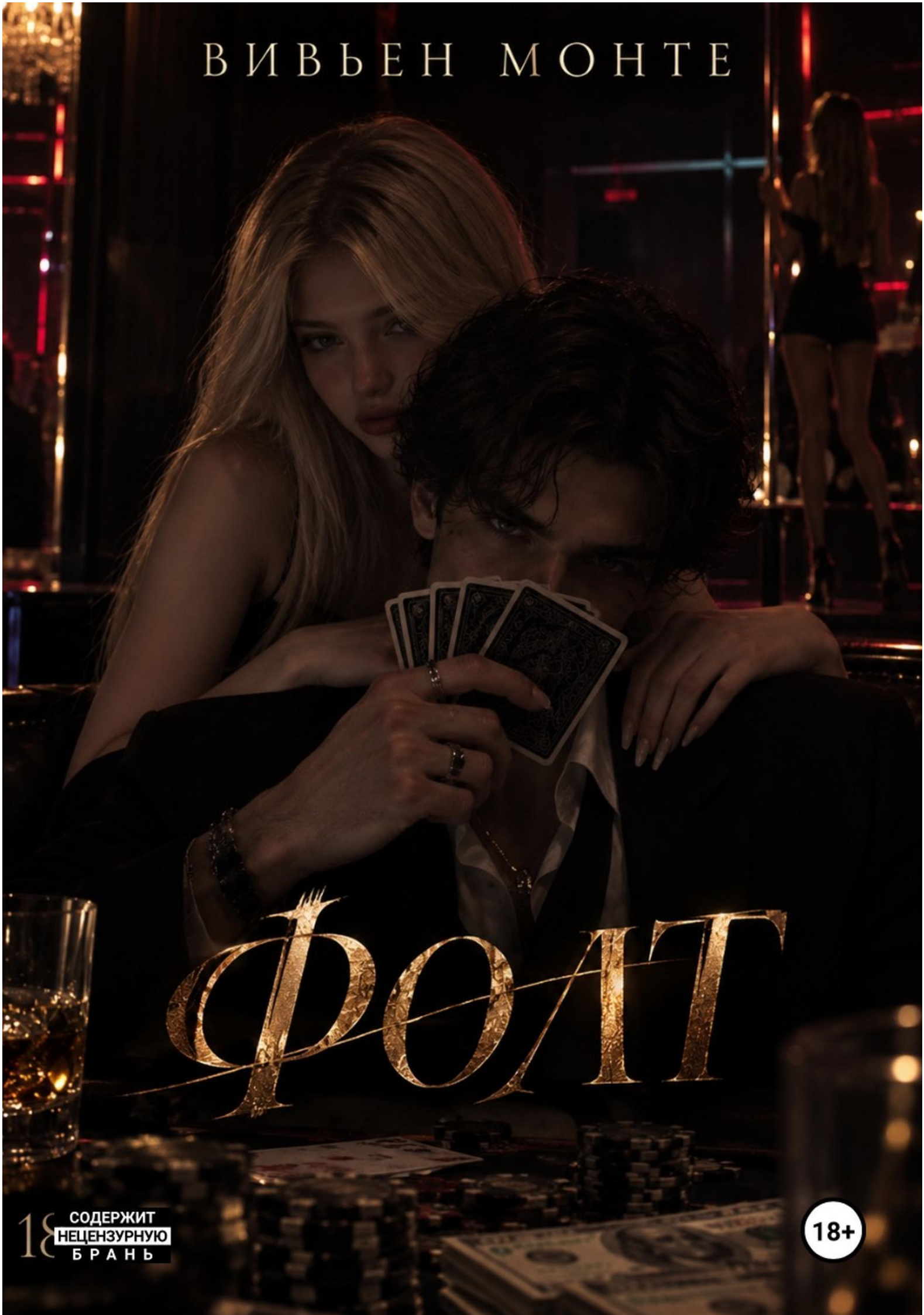

ВИВЬЕН МОНТЕ
ФОЛТ
18
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Вивьен Монте

Фолт

«Автор»
2026

Монте В.

Фолт / В. Монте — «Автор», 2026

Ханне восемнадцать. Она танцует в стрип-клубе на окраине города, чтобы выплатить долг брата, исчезнувшего полгода назад. Каждый вечер она выходит на сцену, улыбается мужчинам, которые смотрят на неё как на вещь, и возвращается в мотель, где сосед кричит за стеной. Она почти смирилась. Почти перестала ждать.А потом появляется он. Мэттью Харрисон. Двадцать два года. Холодные глаза, белая рубашка, кличка "Фолт" — ошибка, просчёт. Он играет в покер наверху и никогда не берёт девочек. Только смотрит. Только на неё. И однажды предлагает то, от чего невозможно отказаться: она танцует — он выигрывает — она получает часть. Она копит на свободу. Он молчит о своём прошлом.Но Сал, хозяин клуба, не отпускает просто так. Брат возвращается. Долг растёт. Это история о двух сломанных людях, которые нашли друг друга в самом грязном месте города. О девушке, которая учится дышать. О парне, который учится чувствовать. О цене свободы и о том, что иногда спасение выглядит как ошибка.

© Монте В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Вивьен Монте
Фолт

Глава 1

Сосед испражняется в раковину уже пятнадцать минут, и этот звук просачивается сквозь тонкую стену, как вода сквозь старую ткань, влажный и хриплый, с бульканьем, будто кто-то пытается утопить кота в ведре. Я лежу на продавленном диване и смотрю в потолок, пересчитывая трещины: их семь, семь белых линий на облупившейся штукатурке, похожей на карту страны, в которой я никогда не была, семь трещин, семь дней в неделе, семь лет, как родители ушли и не вернулись, и я до сих пор не знаю, куда они делись и думали ли они вообще обо мне, когда закрывали за собой дверь.

Я закрываю глаза, но звук всё равно проникает в уши, вода бежит, и сосед не выключает её, пока не почувствует, что запах ушёл, хотя он никогда не уходит, он въедается в стены, в ковролин, в мои волосы, я не знаю его имени, знаю только, что он пьёт дешёвое пиво с самого утра и включает телевизор на полную громкость, когда в новостях говорят про политику, хотя по-английски он почти не понимает, у него есть старая хромая овчарка, которая лает каждый раз, когда он падает с кровати, и иногда он стучит кулаком в мою стену и кричит что-то по-испански, что-то про деньги и про женщину, я никогда не отвечаю, потому что если не отвечать, он быстрее замолкает. Сегодня он замолкает через двадцать минут, я слышу, как открывается дверь, как шлёпают босые ноги по коридору, как хлопает входная дверь, собака тявкает один раз и замолкает, наступает тишина, та самая тишина, которая пугает меня больше, чем его крики, потому что в ней я слышу только себя, своё дыхание, свой пульс, свои мысли, которые никуда не уходят, они всегда здесь, они всегда со мной, они такие же старые и потёртые, как этот диван, как этот плед, как моя жизнь.

Я сажусь, пружины впиваются в бёдра через тонкий матрас, и я смотрю на маленькое запылённое окно, за которым серый вечер, пустынный ветер и редкие облака, похожие на старую вату, которую давно пора выбросить, и я думаю о том, что сегодня будет такой же день, как вчера, и завтра будет таким же, и послезавтра, и я не знаю, сколько ещё смогу это выдерживать, но я знаю, что выбора у меня нет.

Я иду в ванную, она крошечная, с облупившейся плиткой и ржавым краном, горячая вода не идёт уже три месяца, бойлер сломался ещё в прошлом году, а у меня нет денег его чинить, как нет денег на еду, на новую одежду, на билет в другой город, где никто не знает моего имени, где я могу начать всё заново, но я не могу начать заново, потому что Майк оставил мне долг, который я должна выплатить, и я плачу его своим телом, своими ночами, своей жизнью. Я умываюсь ледяной водой, она обжигает кожу, заставляет зубы стучать, и я смотрю на себя в мутное зеркало с трещиной по диагонали, в нём отражается чужое лицо, бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, которые не скрывает даже самый плотный слой тонального крема, и я думаю о том, что мне восемнадцать, но я выгляжу на двадцать пять, а иногда мне кажется, что на все тридцать, потому что усталость не уходит даже во сне, она въелась в кости, в мышцы, в каждую клетку моего тела, она стала частью меня, такой же естественной, как дыхание.

Я не ем уже второй день, желудок сжался в тугой комок, и при одной мысли о еде меня тошнит, я просто пью воду из-под крана и иногда жую чёрствый хлеб, если нахожу его в сумке, в кармане моей старой куртки лежат двадцать долларов, на них можно купить сигареты, немного еды и проезд на автобусе туда и обратно, но я знаю, что потрачу их на таблетки, потому что без них я не могу заснуть, а без сна я схожу с ума, я уже начала сходить с ума, я чувствую это, когда

смотрю в зеркало и не узнаю себя, когда я танцую и не чувствую своего тела, когда я говорю с Дакотой и не слышу собственного голоса. Я надеваю протёртые на коленях джинсы, белую футболку, которая уже давно стала серой, куртку, купленную в секонд-хенде за три доллара, она велика мне, и в ней можно спрятаться, застегнуть молнию до самого горла и стать невидимой, я хочу быть невидимой, я хочу, чтобы никто не смотрел на меня, не трогал меня, не требовал от меня ничего, я хочу просто исчезнуть, но я не могу исчезнуть, потому что у меня есть долг, и у меня есть брат, и я до сих пор надеюсь, что он вернётся, хотя знаю, что он не вернётся, он никогда не возвращался, он всегда обещал и никогда не выполнял обещаний.

В сумке лежат косметичка с тушью и помадой, запасное бельё, пачка сигарет и самокрутка, которую я всегда ношу с собой, в левом кармане куртки. Я касаюсь её пальцами, проверяя, на месте ли, потому что это единственное, что помогает мне не думать о том, куда я иду и зачем вообще встаю каждое утро, это единственное, что притупляет боль, которая живёт внутри меня, она всегда там, она стала моей спутницей, моей тенью, моим вторым именем.

Я закрываю дверь комнаты на ключ и проверяю дважды, у меня нечего красть, только старый плед и телефон брата, который я прячу под матрасом, это всё, что у меня осталось от него, это всё, что напоминает мне о том, что я не всегда была одна, что когда-то у меня был кто-то, кто называл меня маленькой, кто обнимал меня, когда я плакала, кто говорил, что всё будет хорошо, хотя сам не верил в это. Майк научил меня запирать дверь, когда мне было одиннадцать, а ему двадцать, он сказал: «Не открывай никому, маленькая, даже если стучат», и я запомнила, я всегда запоминаю то, что говорят люди, которые потом исчезают, я запомнила его голос, его глаза, его запах, запах табака и дешёвого одеколона, и иногда мне кажется, что я всё ещё чувствую его, когда прохожу мимо магазина, где он покупал сигареты, но это просто память, просто старый фильм, который крутится у меня в голове и который я не могу выключить.

На улице серо, небо ещё бледное, как старая простыня, которую давно пора выбросить, пустыня за городом выглядит жёлтой и грязной, с редкими кустами юкки, похожими на растрёпанные головы, ветер гонит пыль по асфальту, и она скрипит на зубах, я иду к остановке, засунув руки глубоко в карманы, и сжимаю в кулаке двадцать долларов, они шуршат, как сухие листья. Автобус приезжает через десять минут, старый, дребезжащий, с ободранными сиденьями и запахом бензина и пота, я сажусь у окна и смотрю на проплывающие мимо дома, они дешёвые, одноэтажные.

Майк исчез пять месяцев назад, он ушёл утром, сказал: «Я скоро вернусь, маленькая», и не вернулся, я до сих пор не знаю, жив он или мёртв, Сал говорит, что жив, но Сал врёт всегда, он врёт клиентам, врёт девочкам, врёт даже себе, и я знаю, что если Майк действительно жив, он не вернётся, потому что он всегда убегал, он всегда исчезал, когда становилось трудно, он оставлял меня одну, как родители, как все, кто когда-либо был в моей жизни. Я помню его глаза, светло-карие, почти жёлтые, как у волка, и его голос, низкий и спокойный, даже когда он был пьян, он говорил тихо, и я помню, как он приводил девушек в нашу комнату, мне было десять, я сидела на кухне на голом полу, потому что у нас не было стульев, и я слышала их голоса, смех, потом тишину, потом скрип кровати, я зажимала уши руками и считала до ста, я ненавидела его в эти моменты, я хотела, чтобы он умер, но когда он выходил утром с красными глазами и запахом алкоголя, он садился рядом со мной и говорил: «Прости, маленькая, я больше не буду», и я верила, каждый раз, потому что он был единственным, кто у меня был, и я не могла позволить себе не верить, потому что если бы я перестала верить, у меня бы не осталось ничего. Потом родители ушли и не вернулись, я помню их лица, мать уставшая, молчаливая, с тёмными кругами под глазами, как у меня сейчас, отец крикливый и злой, он всегда кричал, всегда требовал, всегда брал, ничего не давая взамен, я не видела их семь лет, и иногда мне кажется, что они мне приснились, что их никогда не существовало, что я выдумала их,

чтобы заполнить пустоту, но пустота осталась, она никуда не ушла, она просто стала больше, она заполнила меня целиком.

Автобус тормозит у нужной остановки, я выхожу и иду к чёрному входу клуба, вывеска «The Rusty Nail» горит красным неоном, но буква «R» не работает, и все называют это место «жавым гвоздём», я каждый раз думаю, что это смешно, но никогда не смеюсь, потому что мне не смешно, мне никогда не бывает смешно, даже когда я хочу смеяться, внутри меня пустота, которая не позволяет мне чувствовать ничего, кроме усталости и боли. Я спускаюсь по лестнице в подвал, где находится гримёрка, бетонная комната с одной лампочкой и тремя зеркалами, стены в пятнах, пахнет потом, сигаретами и дешёвыми духами, я сажусь перед зеркалом и смотрю на себя, на своё отражение, которое выглядит уставшим даже здесь, при тусклом свете, до выхода на сцену остаётся час, я достаю косметичку, тушь, тональный крем, который не скрывает кругов под глазами, а просто делает их серыми вместо синих, и помаду красную, потому что все здесь носят красную помаду, это правило, которое придумал Сал, и я никогда не спрашивала почему, потому что мне всё равно, я просто делаю, что говорят, как кукла, как механизм, который двигается только тогда, когда нажимают на кнопку. Дверь открывается, и входит Дакота, она выглядит так, будто не спала неделю, волосы спутаны, халат нараспашку, она садится рядом, смотрит на себя в зеркало и вздыхает.

— Боже, я похожа на смерть, — говорит она, и в голосе её слышится усталость, которая давно стала привычной, как старая одежда, которую не выбрасывают, потому что она ещё держится.

— Ты всегда на неё похожа, — отвечаю я, и она усмехается, смех у неё хриплый, как у старого радиоприёмника, она работает здесь пять лет, старше меня на семь, но иногда кажется, что на двадцать, потому что она видела всё, что можно увидеть в этом месте, и ещё то, что нельзя.

Она смотрит на меня в зеркало, её глаза изучающие, тёмные, с морщинками в уголках.

— А ты выглядишь ещё хуже, чем обычно, — говорит она.

— Плакала?

— Нет.

— Ела?

— Нет.

Она качает головой, достаёт из сумки бутерброд и протягивает мне.

— Ешь, — говорит она. — Я не хочу, чтобы ты сдохла прямо на сцене. Сал потом вычтет из моей зарплаты, скажет, что я тебя не кормила.

Я беру бутерброд, потому что если не возьму, она не отстанет, и жую, но вкуса не чувствую, она смотрит на меня, потом откидывается на спинку стула и закуривает, хотя Сал запрещает курить в гримёрке, но Дакоте плевать.

— Ты слышала, — говорит она, выпуская дым в потолок.

— Наверху сегодня большая игра. Сал сказал, что приехали какие-то важные люди. Деньги большие.

Я молчу, мне нет дела до того, что происходит наверху.

— Он хотел, чтобы я вышла, — продолжает она. — Типа, создать атмосферу. А я сказала ему: «пошёл ты, Сал».

Я усмехаюсь, это похоже на Дакота, она может себе позволить грубить Салу, потому что она здесь дольше всех и знает, где лежат его скелеты в шкафу.

— Сал тебя не трогает, потому что ты его кормишь, — говорю я. — Если бы ты приносила меньше, он бы давно тебя вышвырнул.

— Знаю, — говорит она. — Потому и грублю. Пока я приношу деньги, я могу говорить всё, что хочу.

Она выпускает дым в потолок и смотрит на меня в отражении, и я вижу, как её глаза становятся серьёзными.

— А ты, Ханна, ты слишком тихая, — говорит она. — Ты даёшь ему слишком много власти над тобой.

— У меня нет выбора, — отвечаю я.

— Выбор есть всегда, — говорит она. — Ты просто боишься его сделать.

Я доедаю бутерброд и чувствую, как внутри поднимается глухое раздражение, она права, но я не хочу это слышать. Дакота встаёт, гасит сигарету о подошву ботинка и идёт к двери

Она выходит, я остаюсь одна, смотрю на своё отражение в мутном зеркале, в нём пустота, и я не знаю, где она заканчивается. Я переодеваюсь в чёрное кружевное бельё с блестящими стразами на бретельках, Сал требует, чтобы мы выглядели дорого, хотя это бельё стоило пятнадцать долларов в магазине на окраине, я смотрю на себя в зеркало, на тонкое бледное тело с тёмными глазами, я похожа на призрак, на девочку, которой уже нет, на тень самой себя. Я поправляю волосы, смотрю себе в глаза и говорю: «Ты справишься», но я не знаю, верю ли я в это. Я беру самокрутку и выхожу на чёрную лестницу, там темно, красная вывеска жужжит, та самая, которая не горит, я сажусь на бетонный пол, прислонившись спиной к холодной стене, и зажигаю, дым горький, едкий, он заполняет лёгкие и на секунду притупляет всё остальное, я смотрю на небо, звёзд нет, только тучи, где-то далеко гудит шоссе, и почти тишина, если не считать музыки, доносящейся изнутри клуба.

Я докуриваю и тушу окурок о бетон, встаю, поправляю халат и иду обратно в гримёрку, и через несколько минут я выхожу на сцену, красный свет, басы, дым, запах пота и алкоголя, я смотрю в потолок и считаю трещины, их тринадцать, я сбиваюсь на десятой, двигаюсь механически, руки, бёдра, волосы, я кукла, я научилась отключаться, выходить из своего тела и смотреть на происходящее со стороны, там, в углу, кто-то ухмыляется, там, у барной стойки, кто-то приподнимает бокал, я не вижу их лиц, я вижу только пятна, тени, свет, я танцую, я считаю до ста, и на сорок седьмом счёте я замечаю, что в зале есть тишина, не звуковая, она есть всегда, другая, кто-то не смотрит на меня, не так, как все, я скольжу взглядом по лицам и на секунду задерживаюсь на парне в белой рубашке, он сидит за столиком у стены, один, перед ним стакан с виски, он не смотрит на меня, он смотрит в свой стакан, я вижу его всего на мгновение, но что-то в его позе кажется мне необычным, он не смотрит на сцену, хотя большинство мужчин в этом зале не могут оторвать взгляд от танцовщиц, я отворачиваюсь, я не думаю о нём, через секунду я уже забываю его лицо, я продолжаю танцевать, я считаю трещины на потолке, я считаю долги брата, я считаю дни до того момента, когда я смогу выдохнуть, но я не могу выдохнуть, я никогда не могу выдохнуть, потому что внутри меня всегда сжатая пружина, которая не даёт мне расслабиться ни на секунду.

Я просыпаюсь от того, что кто-то стучит в дверь. Стук громкий, настойчивый, не соседский, потому что сосед стучит всегда кулаком, глухо и зло, а этот стук костяшками пальцев, быстрый, требовательный, как у человека, который привык, чтобы ему открывали. Я лежу на диване и смотрю на дверь, не двигаясь, не дыша, просто жду, когда стук прекратится, но он не прекращается, он становится громче, и я слышу голос Сала, его хриплый, прокуренный бас, который я узнаю даже сквозь сон, потому что этот голос преследует меня уже год, он звучит в моей голове, когда я закрываю глаза, он смешивается с музыкой в клубе, он становится частью меня, как дыхание, как пульс, как тишина.

— Ханна, открывай, я знаю, что ты там.

Я закрываю глаза и считаю до десяти, надеясь, что он уйдёт, но он не уходит, он продолжает стучать и говорить, что ему нужно поговорить со мной, что это срочно, что я должна открыть, и я знаю, что если я не открою, он будет стоять здесь до вечера, потому что Сал никогда не уходит, не получив того, что хочет, он как паук, который плетёт свою паутину и ждёт, пока муха попадётся в неё, и я муха, я всегда была мухой, я родилась мухой и умру мухой, если

только не научусь рвать эти сети, но я не умею, я никогда не умела, потому что Майк научил меня только одному: выживать, терпеть, молчать. Я встаю, натягиваю джинсы прямо поверх белья, застёгиваю молнию дрожащими пальцами и иду к двери, открываю её, и Сал стоит в коридоре, в своём дешёвом пиджаке, с сигарой в зубах, и смотрит на меня сверху вниз, как на вещь, которую можно продать, обменять, выбросить, когда она перестанет быть полезной, и я чувствую его взгляд на своей коже, он такой же липкий, как взгляды мужчин в клубе, он проникает под кожу и остаётся там, и я не могу смыть его, сколько бы я ни мылась.

— Ты спишь, детка? — спрашивает он, и в голосе его нет ни капли сочувствия, только деловая озабоченность, как будто я опоздала на работу, как будто я должна ему отчитываться за каждую минуту своей жизни, как будто я его собственность, его вещь, его инвестиция, и я смотрю на него и думаю о том, что если бы у меня был пистолет, если бы у меня была сила, если бы я могла просто исчезнуть, я бы сделала это, но у меня нет пистолета, у меня нет силы, у меня есть только этот долг и этот страх, которые сжирают меня изнутри.

— Я сплю, мистер Салливан, — отвечаю я, и мой голос звучит хрипло, потому что я ещё не проснулась, потому что я не ела уже третий день, потому что внутри меня пустота, которая не даёт мне говорить громко, потому что каждый звук, каждое слово, каждый вздох требует от меня больше энергии, чем у меня есть.

— Что Вы хотите?

Он усмехается, выдыхает дым, и я чувствую запах сигары, он смешивается с запахом сырого коридора и дешёвого чистящего средства, и меня тошнит, но я держусь, я научилась держаться, я научилась не показывать, что мне плохо, я научилась улыбаться, когда хочется плакать, я научилась танцевать, когда хочется умереть, я научилась быть той, кого они хотят видеть, потому что это единственный способ выжить в этом мире, где у меня нет ничего, кроме моего тела.

— Я хочу, чтобы ты сегодня вышла наверх, — говорит он.

— У меня игра. Важные люди. Им нужна атмосфера. Ты потанцуешь для них.

Я смотрю на него, и внутри меня поднимается холод, такой же холодный, как вода в кране, которой я умываюсь каждое утро, и я знаю, что он не отстанет, что он будет давить, пока я не сломаюсь, потому что он всегда так делает, он давит на больные места, на долг, на брата, на мою слабость, он знает все мои слабости, потому что он создал их, потому что он вытащил их из меня, как зубной нерв, и теперь он трогает их каждый раз, когда хочет, чтобы я подчинилась, и я подчиняюсь, потому что я не знаю, как ещё защитить себя.

— Я танцую внизу, — говорю я. — Мы договаривались.

— Мы договаривались, что ты отрабатываешь долг брата, — говорит он спокойно, как будто объясняет ребёнку, как устроен мир, как будто я ничего не понимаю, как будто я дура, которая не знает, что такое деньги и долги и как они работают. — Ты приносишь мне двадцать тысяч в месяц. Мне нужно тридцать. Ты не идёшь на приваты, ты куришь эту дрянь в перерывах, ты выглядишь как смерть. Я закрываю глаза на всё, потому что мне жаль тебя, Ханна. Но сегодня ты идёшь наверх. Это не обсуждается.

Я молчу, смотрю на него и чувствую, как внутри меня всё сжимается, как пружина, которая вот-вот лопнет, но я не могу позволить себе лопнуть, я не могу позволить себе показать ему, что он победил, хотя он уже победил, он победил в тот момент, когда Майк исчез, когда я осталась одна, когда у меня не осталось никого, кроме этого клуба и этого долга, и я смотрю на него и думаю о том, что если бы я могла, я бы убежала, я бы просто развернулась и побежала, и никогда не остановилась, но я не могу, потому что он найдёт меня, он всегда находит, он всегда знает, где я, как будто у меня на ноге ошейник с маячком, как у собаки, которую он потерял и нашёл.

— А если я откажусь? — спрашиваю я, и мой голос дрожит, я слышу это, и он слышит это, и он улыбается, медленно, растягивая губы, как будто я сказала что-то смешное, как будто

он знал, что я спрошу это, и он уже приготовил ответ, который сломает меня, который заставит меня подчиниться.

— Тогда я вычту из твоей зарплаты пятьсот долларов за каждого пропущенного клиента, — говорит он, и его голос звучит ровно, спокойно, как будто он говорит о погоде. — Ты не сможешь заплатить за эту комнату, и будешь спать на улице. Выбирай, детка.

Я смотрю на него и хочу ударить его, я хочу закрыть дверь и никогда больше не открывать, я хочу исчезнуть, стать невидимой, раствориться в воздухе, но я не могу, потому что у меня нет выбора, у меня никогда не было выбора, и я киваю, потому что это единственное, что я могу сделать, и я чувствую, как слёзы подступают к глазам, но я не плачу, я не позволяю себе плакать перед ним, потому что если я заплачу, он победит, а если он победит, я больше никогда не смогу подняться.

— Хорошо, — говорю я, и мой голос звучит как шёпот, как последний вздох человека, который тонет. — Я выйду.

Он улыбается и хлопает меня по плечу, как будто я сделала что-то хорошее, как будто я согласилась на праздник, а не на то, что будет со мной сегодня вечером, и я чувствую его руку на своём плече, она тяжёлая и тёплая, и я хочу стряхнуть её, но я не могу, я стою и смотрю на него, и он говорит:

— Вот и умница, — и его голос звучит почти ласково, почти по-отечески, но я знаю, что это ложь, что он не отец мне, что он никогда не был отцом, что он просто хищник, который притворяется добрым, чтобы легче было съесть свою жертву. — Приходи к восьми. И надень что-нибудь красивое.

Он уходит, я закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и медленно сползаю на пол, потому что ноги не держат меня, потому что внутри меня всё трясётся, как будто я стою на краю обрыва и кто-то подталкивает меня в спину. Я сижу на полу, обхватив колени руками, и смотрю в стену, белую, облупившуюся, с пятнами сырости, и думаю о том, что сегодня вечером я буду танцевать для них, для важных людей, для его друзей, для его клиентов, и они будут смотреть на меня, как смотрят все, как на кусок мяса, как на вещь, которую можно купить, и я ничего не смогу с этим сделать, потому что я должна, потому что я обязана, потому что я не могу позволить себе отказаться. Я думаю о Майке, о том, что если бы он был здесь, он бы защитил меня, он бы сказал Салу, чтобы он оставил меня в покое, он бы ударил его, если бы нужно было, но Майка нет, Майк ушёл и не вернулся, и я одна, я всегда одна, я была одна с десяти лет, когда родители ушли за хлебом и не вернулись, я была одна на кухне, когда Майк приводил девушек в нашу комнату, я была одна на сцене, когда мужчины смотрели на меня, я была одна в этом мотеле, когда сосед пил своё дешёвое пиво и кричал по-испански, и я всегда буду одна, потому что никто не приходит, чтобы остаться, все приходят и уходят, как родители, как Майк, как те, кто смотрит на меня в клубе и платит за то, чтобы увидеть моё тело.

Я не знаю, сколько я сижу на полу, может быть, час, может быть, два, но когда я поднимаюсь, мои ноги затекли, и я чувствую боль в коленях, иду в ванную, чтобы умыться ледяной водой, чтобы смыть с себя этот разговор, этот страх, эту безысходность, которая заполняет меня целиком. Я смотрю на себя в мутное зеркало и вижу ту же девочку, что и вчера: бледную, худую, с тёмными кругами под глазами, с волосами, которые давно потеряли цвет, я трогаю своё лицо пальцами, оно холодное, как лёд, и я не чувствую его, я не чувствую ничего, я стала призраком, который танцует под красным светом, и у этого призрака нет души, у него есть только тело, и это тело продаётся каждый вечер за двадцать тысяч в месяц, за тридцать тысяч, за таблетки, за право дышать. Я выхожу из ванной и одеваюсь, я собираю сумку и выхожу из комнаты, я иду по коридору, мимо двери соседа, который уже включил телевизор и пьёт своё дешёвое пиво, я слышу его кашель и лай собаки, и я думаю о том, что он, наверное, счастливее меня, потому что у него есть собака, которая любит его, и пиво, которое помогает ему забыться,

и телевизор, который заполняет пустоту, а у меня нет ничего, кроме долга и страха, и я завидую ему, я завидую его собаке, я завидую всем, у кого есть что-то, за что можно держаться.

На улице сегодня жарко и воздух кажется тягучим, как сироп, и я иду к остановке, сжимая в кармане свои последние деньги. Сегодня мне придётся танцевать так, как я не танцевала никогда, потому что Сал будет следить за мной, потому что он сказал, что это важно, потому что я должна быть идеальной, если хочу, чтобы он оставил меня в покое ещё на один месяц, и я боюсь, я боюсь, что не смогу, я боюсь, что сломаюсь, я боюсь, что моё тело не выдержит, но я иду, я иду, потому что я должна, потому что выбора у меня нет, потому что если я остановлюсь, я умру.

Я прихожу в клуб в половине восьмого, спускаюсь в гримёрку. Дакота уже там, она сидит перед зеркалом и красит глаза, она выглядит уставшей, как всегда, но она улыбается, когда видит меня, и я сажусь рядом, и мы молчим, потому что нам не нужно говорить, чтобы понять друг друга, потому что мы обе знаем, что такое этот клуб, этот запах, этот свет, эта жизнь, которую мы выбрали не сами, и мы обе ненавидим её, но мы не можем уйти, потому что у нас нет другого выбора, потому что нас держат здесь долги, страхи, обещания, которые мы дали себе и другим, и мы молчим, потому что слова ничего не меняют, они просто заполняют пустоту, но они не делают её меньше.

— Сал сказал, что ты идёшь наверх, — говорит она, не оборачиваясь, и я вижу в зеркале, как её руки на секунду замирают.

— Да, — отвечаю я.

— Он не должен был просить тебя, — говорит она. — Ты не для этого.

— Я для того, что он скажет, — говорю я. — Ты знаешь это.

Она поворачивается и смотрит на меня, и в её глазах я вижу что-то, что я не могу прочитать, может быть, жалость, может быть, злость, может быть, и то и другое одновременно, и она смотрит на меня долго, так долго, что я чувствую себя неловко, как будто она видит меня насквозь, как будто она знает что-то, чего не знаю я, и я отворачиваюсь, потому что не хочу, чтобы она видела мои глаза, потому что в них страх, и я не хочу, чтобы кто-то знал, как мне страшно, я хочу быть сильной, я хочу быть той, кто не боится, но я боюсь, я всегда боюсь, я боюсь с детства, когда родители ушли, когда Майк приводил девушек, когда я выходила на сцену в первый раз, когда Сал сказал мне, что я должна, я боюсь, что никогда не перестану бояться.

— А если я скажу нет, он вычтет из моей зарплаты, и я не смогу заплатить за комнату и буду спать на улице, и он будет прав, потому что он всегда прав, потому что у него есть деньги, а у меня нет ничего.

Она молчит, смотрит на меня долго, потом отворачивается и продолжает краситься, и я знаю, что она не скажет больше ничего, потому что она знает, что я права, что у меня нет выбора, что у меня никогда не было выбора, и я смотрю на неё, и я думаю о том, что она единственный человек, который заботится обо мне, единственный человек, который предлагает мне бутерброды и говорит, что я не обязана, но она тоже не может мне помочь, потому что она сама в этой ловушке, она сама не может уйти, и мы просто сидим в этой гримёрке, две девочки, которые танцуют за деньги, и у нас нет никого, кроме друг друга.

Я переодеваюсь, надеваю чёрное бельё, которое Сал купил для меня в прошлом месяце, оно дорогое, с кружевом и стразами, и я смотрю на себя в зеркало и не узнаю себя, я не знаю, кто эта девочка в отражении, я не знаю, что она чувствует, я не знаю, есть ли у неё душа или она просто кукла, которую заводят каждый вечер и заставляют танцевать, я поправляю волосы, я наношу помаду, красную, как всегда, и я выхожу из гримёрки, я поднимаюсь по лестнице на второй этаж, мои колени дрожат, но я заставляю себя идти, потому что я должна, потому что я обязана, потому что я не могу позволить себе упасть.

Я открываю дверь в покер-рум и вижу их: четверо мужчин за зелёным столом, дым, сигары, стаканы с виски, фишки, пачки денег, и воздух здесь густой и тяжёлый, он давит на лёгкие, и я делаю шаг вперёд, и музыка начинает играть, тихая, тягучая, как патока, и я начинаю двигаться, медленно, плавно, как меня учили, но я не чувствую своего тела, я смотрю в потолок и вижу там трещины, их шесть, шесть белых линий на идеально белом потолке, и я считаю их, пока двигаюсь под музыку, я считаю, чтобы не думать о том, что они смотрят на меня, что они видят меня такой, какой я не хочу быть, я считаю, чтобы не чувствовать их взглядов, которые липнут к моей коже, как этот дым, как этот пот, как этот страх, и я танцую, и я чувствую себя пустой, я чувствую себя механической, я чувствую себя куклой, которая движется под музыку, и у этой куклы нет души, у неё есть только тело, и это тело принадлежит им, потому что я продала его, я продала его, чтобы выжить, и я ненавижу себя за это, я ненавижу себя за то, что я не могу быть сильнее, за то, что я не могу сказать нет, за то, что я продолжаю танцевать.

Я не знаю, сколько длится танец, может быть, десять минут, может быть, час, но когда музыка затихает, я чувствую, как мои ноги дрожат, как воздух в лёгких кончился, как внутри меня пустота, которая никогда не заполнится, и я выхожу из комнаты, я спускаюсь по лестнице, я иду в гримёрку, и я сажусь перед зеркалом, смотрю на своё лицо, на красную помаду, которая размазалась, на тушь, которая потекла, и я не узнаю себя, я не знаю, кто эта девочка, которая только что танцевала для них, я не знаю, как она выживает, я не знаю, сколько она ещё может выдерживать, и я чувствую, как слёзы подступают к глазам, но я не плачу, я не позволяю себе плакать, потому что если я заплачу, я больше никогда не остановлюсь.

Дакота входит через несколько минут, она садится рядом и смотрит на меня в зеркало, и я вижу в её глазах беспокойство, она знает, что со мной что-то не так, она всегда знает, она чувствует это, как собака чувствует страх, и она молчит, она ждёт, пока я заговорю, но я молчу, я не могу говорить, я не могу выдавить из себя ни слова, потому что если я открою рот, я закричу, я буду кричать, пока не сорву голос, пока не упаду, пока не умру.

— Ты как? — спрашивает она, и её голос звучит тихо, мягко, как у матери, которой у меня никогда не было.

— Я жива, — говорю я.

— Это не ответ, — говорит она.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Она молчит, смотрит на меня, потом достаёт сигарету и закуривает, хотя Сал запрещает курить в гримёрке, но ей плевать. Она протягивает мне сигарету, я беру её, и мы курим в тишине, и я думаю о том, что если бы не Дакота, я бы уже сошла с ума, я бы уже сломалась, я бы уже упала и не встала, она единственное, что держит меня на плаву, она единственный человек, который видит во мне человека, а не вещь, и я благодарна ей, я не говорю ей этого, но я благодарна, и она знает это, она всегда знает, что я чувствую, даже когда я молчу.

— Я не знаю, что бы делала без тебя, — говорю я, и мой голос звучит тихо, почти шёпотом, и я смотрю на неё, и она смотрит на меня, и в её глазах я вижу то же, что и в своих: усталость, боль, надежду, которая никогда не умирает, даже когда всё против неё.

— Ты бы делала то же самое, — говорит она. — Ты сильная, Ханна. Ты просто не знаешь этого.

— Я не чувствую себя сильной, — говорю я. — Я чувствую себя пустой.

— Это одно и то же, — говорит она. — Сила и пустота. Когда внутри пусто, тебя нечем сломать.

Я смотрю на неё и думаю о том, что она права, что пустота внутри меня — это моё оружие, что никто не может тронуть меня, потому что внутри меня уже ничего нет, и это даёт мне силу продолжать, день за днём, ночь за ночью, танец за танцем, и я чувствую, как внутри меня что-то меняется, как пустота становится силой, как страх становится решимостью, как слабость становится броней, и я смотрю на себя в зеркало и вижу уже не ту девочку, которая боится, а ту,

которая выживает, и я улыбаюсь, я улыбаюсь впервые за долгое время, и улыбка моя кривая, она похожа на гримасу, но это улыбка, и Дакота видит её, и она улыбается в ответ, и мы сидим в этой гримёрке, две девочки, которые танцуют за деньги, и у нас нет никого, кроме друг друга, но этого достаточно, этого достаточно, чтобы продолжать, чтобы не сдаваться, чтобы не падать.

Мы докуриваем сигареты, и я встаю, поправляю волосы, наношу помаду заново и выхожу на сцену. Я выхожу в красный свет, и я танцую, и я не чувствую своего тела, я просто двигаюсь, я просто делаю то, что должна, я просто выживаю, и думаю о том, что завтра будет то же самое, и послезавтра, и всегда, но сегодня я могу танцевать, сегодня я могу забыться, сегодня я могу быть пустой и свободной, потому что внутри меня нет ничего, кроме тишины, и я танцую, я танцую для них, для мужчин, которые смотрят на меня, я танцую для Сала, который ждёт денег, я танцую для себя, для той девочки, которая сидела на кухне и боялась, для той девочки, которая ждала брата, для той девочки, которая хотела умереть, но не умерла, и я танцую, пока музыка не затихает, пока я не падаю на колени, пока внутри меня не остаётся ничего, кроме пустоты, которая спасла меня.

Я заканчиваю смену в три часа ночи, выхожу через чёрный вход и сажусь на бетонный пол, прислонившись к стене, смотрю на небо, там нет звёзд, только тучи, и я думаю о том, что брат, наверное, тоже смотрит на это небо, где-то далеко, и я думаю о том, что он, может быть, жив, и я думаю о том, что если он жив, почему он не возвращается, почему он оставил меня одну, почему он не сказал мне, что всё будет хорошо, как он всегда говорил, когда я была маленькой, и я зажигаю самокрутку и курю, и дым горчит на языке, и я смотрю на красную вывеску, которая не горит, и я думаю о том, что если бы я могла, я бы уехала, я бы села на первый автобус и уехала в никуда, но я не могу, я прикована к этому месту цепями, которые не видно, но которые держат крепко, и я не знаю, как освободиться, я не знаю, есть ли способ, я не знаю, есть ли конец у этой дороги, и я курю, и я смотрю на пустую улицу, и я чувствую, как ветер холодит мою кожу, и я думаю о том, что завтра я снова приду сюда, и послезавтра, и всегда, потому что я должна, потому что выбора у меня нет, и я чувствую, как внутри меня поднимается новая волна пустоты, она заполняет меня, она становится мной, и я позволяю ей это сделать, потому что пустота лучше боли, лучше страха, лучше отчаяния, и я встаю, я тушу окурок о бетон и иду к автобусной остановке, и я знаю, что завтра я снова проснусь, и снова пойду в этот клуб, и снова буду танцевать, и я не знаю, сколько ещё я смогу, но я знаю, что я не сдамся, потому что я — пустота, а пустоту нельзя сломать.

Утром я опять просыпаюсь от того, что кто-то стучит в дверь, и в первый момент я думаю, что это снова Сал, что он снова пришёл требовать, заставлять, угрожать, что он снова будет стоять в коридоре с сигарой и смотреть на меня как на вещь. Я закрываю глаза и сжимаю пальцы в кулаки, готовясь к тому, что сейчас снова начнётся этот разговор, этот торг, эта борьба, в которой я всегда проигрываю. Но стук другой, тише, неувереннее, как будто человек, который стоит за дверью, сам не знает, хочет ли он, чтобы ему открыли, и я слышу голос Дакоты, и я выдыхаю, потому что это не Сал, это Дакота, единственный человек в этом городе, который заботится обо мне, который приходит не требовать, а просто убедиться, что я ещё жива.

— Ханна, открывай, это я.

Я встаю с дивана, и моё тело ноет, каждый мускул, каждая кость, каждая клетка кричит от усталости, от боли, от того, что я делаю с собой каждую ночь, танцуя, двигаясь, выживая, и я иду к двери, открываю её. Дакота стоит на пороге, она выглядит почти так же плохо, как я, её глаза красные, как будто она не спала всю ночь, или плакала, или и то и другое, и я смотрю на неё, и она смотрит на меня, и мы молчим, потому что слова не нужны, мы обе знаем, что такое быть здесь, что такое просыпаться в этом мотеле, в этом городе, в этой жизни, которую мы не выбирали.

— Привет, — говорит она, и её голос звучит хрипло, как будто она курила всю ночь, хотя я знаю, что она не курит, она просто устала, она всегда устала, как и я.

— Привет, — отвечаю я, и я отхожу в сторону, чтобы она могла войти.

Она заходит в мою комнату, смотрит на диван, на плед, на стены, и я вижу, как её взгляд пробегает по комнате, оценивает, запоминает, и я знаю, что она думает, она думает о том, как я здесь живу, как я вообще выживаю в этом месте, в этом мотеле, где стены такие тонкие, что слышно, как сосед дышит, где вода в кране всегда холодная, где даже воздух кажется тяжёлым. Она садится на край дивана, и я сажусь рядом, мы сидим в тишине и я не знаю, что она хочет сказать, но я знаю, что она пришла не просто так, она пришла, потому что что-то случилось, потому что она хочет сказать мне что-то важное, и я жду, я не тороплю её, я научилась ждать, потому что жизнь научила меня, что спешить некуда, что всё равно ничего не изменится.

— Сал сказал, чтобы ты снова вышла наверх сегодня, — говорит она, и я чувствую, как холод пробегает по моей спине, и внутри меня снова сжимается та пружина, которая никогда не расслабляется. — Ты им понравилась, Ханна. Всем понравилась. Они хотят тебя снова.

— Сколько раз? — спрашиваю я, и мой голос звучит пусто, как старая банка из-под газировки, и я смотрю на неё, и я знаю, что она не скажет мне того, что я хочу услышать, она скажет правду, и эта правда будет больно, как всегда.

— Каждый вечер, — говорит она, и она отводит взгляд, потому что ей стыдно, она чувствует себя виноватой, хотя это не её вина, это не её долг, это не её жизнь, это моя жизнь, и я должна нести её одна. — На этой неделе. Каждый вечер. Они сказали, что готовы платить. Сал уже посчитал, сколько он заработает, и он не откажется.

Я смотрю в стену и вижу пятно, которое похоже на лицо человека, и я думаю о том, что если бы я могла, я бы стёрла это пятно, я бы стёрла этот клуб, этого Сала, этот долг, эту жизнь, но я не могу, я не могу ничего стереть, я не могу ничего изменить, я могу только танцевать, только двигаться, только выживать, и я смотрю на Дакота, и я говорю:

Мы сидим ещё немного, я и Дакота, две девочки, которые танцуют за деньги, которые живут в этом городе, где солнце светит ярко, но внутри нас темно, всегда темно, и я думаю о том, что Лос-Анджелес — это город ангелов, но ангелы не спускаются сюда, они не видят нас, они не слышат нас, они не знают, что мы здесь, в этом мотеле, в этом клубе, в этой жизни, и я смотрю в окно и вижу пальмы, которые растут вдоль улицы, и я думаю о том, что они красивые, но я никогда не замечала их раньше, потому что я всегда смотрела под ноги, потому что я боялась поднять голову и увидеть, что мир может быть другим, что где-то есть жизнь, которая не требует от тебя платить каждый день, каждую ночь, каждым движением своего тела.

Дакота уходит через час, она говорит, что ей нужно готовиться, и я остаюсь одна в своей комнате. Я одеваюсь, собираю сумку, выхожу из комнаты и солнце Лос-Анджелеса слепит глаза, оно горячее и жёлтое, оно палит безжалостно, и я иду по улице, мимо пальм, мимо домов, мимо машин, которые гудят и спешат, и я думаю о том, что все эти люди куда-то идут, у них есть цели, у них есть мечты, у них есть жизнь, а я иду в клуб, я иду танцевать, я иду продавать своё тело, свою душу, свою жизнь за то, чтобы выплатить долг, который я не брала, за брата, который ушёл и не вернулся, который оставил меня одну с этим долгом, с этим клубом, с этим Салом, который смотрит на меня как на вещь.

Я прихожу в клуб, спускаюсь в гримёрку и Дакота уже там, она красится, и когда она видит меня, она улыбается, я сажусь рядом и тоже начинаю краситься. И мы молчим, потому что нам не нужно говорить, чтобы понять друг друга, потому что мы обе знаем, что будет сегодня вечером, мы обе знаем, что я выйду наверх, что я буду танцевать для них, и они будут смотреть на меня, и я буду чувствовать их взгляды на своей коже, и я буду ненавидеть это, но я буду делать это, потому что я должна. Я переодеваюсь в то же бельё, я наношу помаду, красную, как кровь, как свет, как всё, что я ненавижу, я поправляю волосы, и я смотрю на себя в зеркало, и я вижу ту же девочку, что и вчера, и я думаю о том, что сегодня я постараюсь быть сильной, я постараюсь быть пустой, я постараюсь не чувствовать, и я иду наверх, я иду по лестнице, я открываю дверь в покер-рум.

Они уже там, четверо мужчин за зелёным столом, фишки, карты, сигары, виски, и воздух густой и тяжёлый, он давит на лёгкие. Я делаю шаг вперёд, и музыка начинает играть, тихая, тягучая, как патока, я двигаюсь медленно, плавно, как меня учили. Я чувствую, как они смотрят на меня, как их взгляды скользят по моему телу, как они оценивают, изучают, хотят, и я ненавижу это, я ненавижу каждый взгляд, каждую секунду, но я продолжаю двигаться, потому что я должна, потому что выбора нет, и я улыбаюсь, я улыбаюсь той улыбкой, которую научилась носить, как маску, как щит, как стену, за которой я прячусь от них всех.

И вдруг я замечаю, что один из них не смотрит на меня.

Он сидит за столом, напротив меня, он молодой, тёмные волосы, серьёзное лицо. Этот парень не смотрит на меня, он смотрит на свои карты, он смотрит на фишки, смотрит на других мужчин за столом, но не на меня. Кажется, это тот парень, что сидел пару дней назад в общем зале. Я замечаю его потому, что он не такой, как они, потому что он не смотрит, потому что он единственный, кто не пялится, и я задерживаю на нём взгляд на секунду, и чувствую что-то странное, что-то, что я не могу объяснить, потому что я привыкла, что все мужчины смотрят на меня, все, без исключения, они смотрят, они пялятся, они хотят, они трогают взглядами, а этот не смотрит, он просто играет, он просто сидит и смотрит на свои карты, и я не знаю, что это, я не знаю, почему это задевает меня, но внутри меня что-то переворачивается, что-то, что я не могу контролировать, и я отворачиваюсь, я продолжаю танцевать, я продолжаю делать свою работу, но я чувствую его присутствие, я чувствую, что он здесь, даже когда он не смотрит на меня, я чувствую его.

Я продолжаю танцевать, двигаюсь под музыку и чувствую, как один из мужчин встаёт из-за стола, он идёт ко мне, улыбается, я вижу его лицо, потное, раскрасневшееся, его глаза масляные, они смотрят на меня, как на вещь, как на то, что можно взять. Я продолжаю двигаться, не останавливаюсь, потому что я должна продолжать, я должна быть идеальной, я должна быть той, которую они хотят видеть. Он подходит ко мне, и я чувствую его руку на своей талии, его пальцы сжимают мою кожу, и я вздрагиваю, я чувствую, как меня тошнит, как внутри меня всё переворачивается, и я делаю шаг назад, я смотрю на него, и я улыбаюсь, я улыбаюсь той улыбкой, которая говорит: "Ты мне не нужен", и я говорю:

— Только смотрим, мальчики. Хочешь прикоснуться, заплати. Или хотя бы поблагодари за то, что я позволяю тебе смотреть.

Я говорю это заигрывающе, с вызовом, говорю это так, как меня учили, говорю это с улыбкой, но внутри меня всё трясётся, я чувствую, как страх поднимается внутри меня, и я знаю, что если он не уберёт руку, я не знаю, что я сделаю, я не знаю, смогу ли я остаться на месте, я не знаю, смогу ли я продолжать улыбаться. Он смотрит на меня, и я вижу, как он колеблется, он не привык, чтобы ему отказывали, он не привык, чтобы танцовщицы говорили ему нет, и я вижу, как он сжимает челюсть, и я знаю, что он злится, но он убирает руку, и он усмехается, и говорит:

— Ты смелая, детка. Мне нравится.

— Ты платишь за то, чтобы смотреть. Если хочешь больше — плати больше, — говорю я, и я всё ещё улыбаюсь, я продолжаю улыбаться, потому что если я перестану улыбаться, я упаду, я просто упаду на этот грязный пол и не встану.

Он смеётся, качает головой и возвращается за стол. Я чувствую, как дрожь пробегает по моему телу, как мои ноги слабеют, но я продолжаю танцевать, продолжаю двигаться, улыбаться. Я вижу того парня, который не смотрел на меня раньше, он смотрит на меня сейчас, его глаза тёмные, спокойные, и в них нет похоти, нет масляного блеска, нет того, что я вижу в глазах всех мужчин в этом зале, его взгляд другой, он смотрит на меня как на человека, как на ту, кто стоит перед ним, а не как на вещь, которую можно купить, и я смотрю на него, и я не знаю, что это, но я чувствую, как внутри меня что-то меняется, что-то, чему я не могу дать имя.

Я продолжаю танцевать, я продолжаю делать свою работу, я продолжаю быть куклой, которая движется под музыку, но я чувствую, что что-то изменилось, я чувствую, что этот парень, который не смотрел на меня сначала, сейчас смотрит в упор. Я думаю о его глазах, о его взгляде, и я не знаю, что это, я не знаю, почему я думаю о нём, я не знаю, почему я не могу выбросить его из головы, почему он остаётся там, в моей голове, как пятно на белой стене, как трещина на потолке, как что-то, что я не могу игнорировать. Я заканчиваю танец, выхожу из комнаты, я спускаюсь по лестнице, иду в гримёрку, сажусь перед зеркалом и смотрю на себя.

Дакота входит, она садится рядом, и она смотрит на меня в зеркало, и я знаю, что она видит что-то, что я пытаюсь скрыть, потому что она всегда видит, она всегда знает, когда со мной что-то не так.

— Ты как? — спрашивает она.

— Я жива, — отвечаю я, и я чувствую, что это правда, что я жива, что внутри меня есть что-то, что не умерло, что-то, что не даёт мне превратиться в пустоту, что-то, что я не могу назвать.

Спустя час Сал снова приходит в гримёрку, он не стучится, просто открывает дверь, его глаза блестят, он улыбается своей жирной улыбкой, от которой меня тошнит. Он говорит, что они хотят ещё, что они заплатили, что я должна выйти, и я смотрю на него, внутри пустота, я не чувствую ничего, только усталость, которая стала моей второй кожей, и я киваю, потому что сказать нет я не могу, я никогда не могу сказать нет, это слово умерло во мне много лет назад, наверное, когда родители ушли за хлебом, когда Майк приводил девушек в нашу комнату, когда я впервые вышла на сцену и поняла, что моё тело больше не принадлежит мне. Я встаю, поправляю волосы, наношу помаду заново, смотрю на себя в зеркало и вижу ту же девочку, бледную, худую, с тёмными глазами, она выглядит как призрак, как тень, как человек, которого уже нет, но она улыбается, она улыбается, потому что должна, потому что это её работа, её долг, её жизнь. Я выхожу из гримёрки, поднимаюсь по лестнице, открываю дверь в покер-рум, воздух такой же густой и тяжёлый, дым оседает на коже, музыка играет, я начинаю двигаться под неё, и снова вижу его.

Он сидит за столом, в центре, перед ним гора фишек, он выигрывает, я вижу это по лицам других мужчин, их глаза горят злостью, они сжимают карты, бросают фишки, злятся, он спокоен, как лёд, его лицо не выражает ничего, он просто сидит, смотрит на карты, перебирает фишки между пальцами, делает ставки. Его голос тихий, но уверенный, и я танцую, я двигаюсь, но чувствую, что он не смотрит на меня, ни разу, даже когда я прохожу мимо его стула, даже когда музыка становится громче, даже когда мужчины вокруг начинают шуметь, он не поднимает глаз, он смотрит на свои карты, на чужие лица, на фишки на столе, но не на меня, я чувствую странное раздражение, я не знаю, почему это задевает меня, почему мне важно, чтобы он посмотрел, я привыкла, что все мужчины смотрят, но этот не смотрит, и это злит меня больше, чем похотливые взгляды, я подхожу ближе к его стулу, почти касаюсь плеча, но он не поднимает глаз, я останавливаюсь рядом с ним, танцую медленнее, делаю то, что никто из них не просил, но он всё равно не смотрит.

Я вижу, как один из мужчин делает ставку, крупную, он бросает фишки на стол, смотрит на него, его лицо красное, потное, глаза злые, он пьёт виски и злится, потому что проигрывает, потому что не может понять, как этот молодой парень с каменным лицом обыгрывает его снова и снова. Я вижу второго, он сидит и смотрит на свои карты, его руки дрожат, он бросает карты на стол, говорит «пасс», откидывается на спинку стула, выдыхает дым, его глаза смотрят на стол, на фишки, которые становятся меньше. Я вижу третьего, он смотрит на парня с тёмными волосами, смотрит с ненавистью, он не понимает, как тот выигрывает, он проверяет его, пытается найти обман, но не находит, потому что обмана нет, есть только игра, холодная, расчётливая, безжалостная, и я вижу, как он делает ставку, крупную, отчаянную, и парень с тёмными

волосами смотрит на него спокойно, перебирает фишки, смотрит на свои карты, потом на него, и говорит «рейз», его голос тихий, но в нём сила, которая заставляет других мужчин замолчать.

Они злятся, я вижу это по их лицам, они не привыкли проигрывать, они привыкли покупать, привыкли брать, привыкли получать, а он обыгрывает их, забирает их деньги, их фишки, их гордость. Они злятся, смотрят на него с ненавистью, шепчутся между собой, бросают карты на стол, пьют виски, затягиваются сигарами, но он спокоен, он просто сидит, смотрит на свои карты, на фишки, на их злые лица, и улыбается, едва заметно, я вижу эту улыбку, она появляется на его губах на секунду, и я понимаю, что он наслаждается этим, он наслаждается их злостью, их бессилием, их желанием победить, но не может, и я танцую, я смотрю на него, я вижу, как он обыгрывает их снова и снова, как забирает их деньги, как их злость становится сильнее, но он не смотрит на меня, ни разу.

Он делает последнюю ставку, самую крупную, ставит всё, что у него есть на столе, все свои фишки, он смотрит на них, они смотрят на него, они колеблются, они видят его спокойствие, его уверенность, они боятся, я вижу страх в их глазах, они думают, что у него хорошие карты, они не хотят проигрывать ещё больше, они сбрасывают карты, отказываются. Они проигрывают и он забирает все деньги, все фишки, он сгребает их со стола, складывает в стопки, и все смотрят на него, все, кроме него, он смотрит в стол, на свои деньги, а я танцую, продолжаю двигаться, но чувствую, что моё сердце колотится, я чувствую что-то странное, я смотрю на него, он наконец поднимает глаза, но не на меня, он смотрит на мужчину с красным лицом, улыбается той спокойной улыбкой, которая заставляет других злиться.

— Ещё? — говорит он.

Мужчина с красным лицом встаёт из-за стола, его лицо такое красное, что кажется, будто он сейчас лопнет, он смотрит на него с ненавистью, я вижу, как его руки сжаты в кулаки, как он дрожит от злости. Он делает шаг вперёд, я смотрю на него, на его кулаки, я боюсь, я не знаю, что будет, но парень с тёмными волосами не двигается, он просто сидит, смотрит на него, и его глаза такие холодные, такие спокойные, что краснолицый мужчина останавливается, колеблется, он смотрит на него, видит эту спокойную уверенность, и что-то в нём меняется, он усмехается, выплёвывает что-то на пол, поворачивается и уходит, хлопает дверью. Я слышу, как его шаги затихают на лестнице, и в комнате становится тихо, я смотрю на парня с тёмными волосами, на его спокойное лицо, на его руки, которые собирают фишки, убирают их в карман, он встаёт, забирает свой выигрыш, и начинает идти к выходу, но у двери он останавливается, он оборачивается, я думаю, что он посмотрит на меня, но нет, он смотрит на мужчин за столом, улыбается той спокойной улыбкой.

— Удачи в следующий раз, — говорит он и уходит, закрывая дверь, я стою в середине комнаты, музыка затихает, я смотрю на дверь, за которой он скрылся, чувствую пустоту внутри себя, я не знаю, почему его уход задевает меня, почему я хочу, чтобы он остался, почему я хочу, чтобы он посмотрел на меня, но он не посмотрел, он прошёл мимо, как будто я не существую, и это хуже, чем любой взгляд, любое прикосновение, любая похоть, потому что это значит, что я не важна, я никто, я просто часть интерьера, я просто тень, которая танцует, и я танцую, я продолжаю танцевать для оставшихся мужчин, которые уже не смотрят на меня, они обсуждают его, злятся, говорят о том, как он их обыграл, и я танцую, я двигаюсь, я делаю свою работу, но внутри меня что-то изменилось, что-то, чему я не могу дать имя, что-то, что заставляет меня чувствовать себя живой, и я боюсь этого, боюсь надежды, боюсь того, что это может значить, потому что надежда убивает быстрее, чем любая боль.

Я заканчиваю танец, выхожу из комнаты, спускаюсь по лестнице, гримёрка встречает меня тишиной и пустотой, я сажусь перед зеркалом, смотрю на себя, вижу свои глаза, в них что-то новое, что-то, чего не было раньше, и я не знаю, что это, я боюсь знать, потому что если это надежда, она сломает меня быстрее, чем любой долг, чем любой взгляд, чем любое прикосновение, я закрываю глаза, считаю до ста, до тысячи, считаю, чтобы не думать о нём, о

его тёмных глазах, о его спокойном лице, о том, как он не смотрел на меня, о том, как его уход заставил меня чувствовать себя пустой, но живой одновременно.

Проходит несколько дней, и каждый вечер повторяется с той же пугающей точностью, будто кто-то зациклил плёнку и заставил меня жить в одном и том же отрезке времени, где нет ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее, которое давит на плечи тяжестью, с каждым днём становящейся всё более невыносимой. Я прихожу в клуб, спускаюсь в гримёрку, переодеваюсь, крашусь, выхожу на сцену, танцую, возвращаюсь, снова танцую, и каждый раз, когда я поднимаюсь наверх в покер-рум, я вижу его за зелёным столом. Молодой парень с тёмными волосами, который никогда не смотрит на меня, но всегда выигрывает, всегда обыгрывает их, забирает их деньги, их злость, их гордость, и я танцую для них, для него, для всех, кто смотрит, но он не смотрит, он просто играет, холодно, расчётливо, безжалостно, и я смотрю на него, я не могу отвести взгляд, хотя знаю, что это глупо, что это опасно, что надежда убьёт меня быстрее, чем любой долг, но я не могу остановиться. Я смотрю на его руки, перебирающие фишки между пальцами, на его лицо, которое никогда не выражает эмоций, на его глаза, которые смотрят только на карты и на чужие лица, на моё лицо они не смотрят никогда, но я продолжаю надеяться, что однажды он поднимет голову и посмотрит на меня так, как смотрят на человека, а не на вещь, хотя я знаю, что эта надежда убьёт меня быстрее любой боли.

Сегодня вечер начинается так же, как и всегда, я прихожу в клуб, спускаюсь в гримёрку. Дакота уже здесь, она красит губы и смотрит на меня в зеркало, я сажусь рядом, достаю косметичку, начинаю краситься, и Дакота смотрит на меня, ждёт, но я молчу, я не могу говорить, я боюсь услышать свои мысли вслух, потому что тогда они станут реальными, а реальность слишком опасна для меня.

Я заканчиваю краситься, встаю и выхожу из гримёрки, поднимаюсь наверх, в покер-рум, и он там, тот же молодой парень с тёмными волосами, те же фишки, тот же дым, та же игра, я начинаю танцевать, и я смотрю на него, но он не смотрит на меня, он играет, выигрывает, забирает деньги, и я танцую, я делаю свою работу, я смотрю на него и чувствую пустоту внутри, которая становится всё больше, и я не знаю, как её заполнить, я не знаю, есть ли что-то, что может заполнить её. Он выигрывает снова, я вижу, как он сгребает фишки, как его спокойное лицо не выражает ни радости, ни волнения, как будто победа для него так же обычна, как дыхание, я смотрю на него, он встаёт, забирает свой выигрыш и уходит, не посмотрев на меня, и я остаюсь, я продолжаю танцевать для остальных мужчин, которые уже не смотрят на меня, они злятся, обсуждают его игру, говорят о том, что он жулик, что он играет нечестно, но я знаю, что это не так, я видела его игру, я видела его холодный расчёт, его спокойствие, его уверенность, и я знаю, что он просто лучший, просто сильнее, просто умнее, и я думаю о том, что он, наверное, ушёл, наверное, покинул клуб, но я чувствую что-то, что заставляет меня ждать, что-то, что говорит мне, что он ещё здесь.

Я заканчиваю свой танец наверху, спускаюсь вниз, выхожу на основную сцену, туда, где танцую каждый вечер, где красный свет, дым, басы и мужчины, которые смотрят на меня с похотью, с желанием, с голодом, и я начинаю танцевать, я двигаюсь под музыку, смотрю в потолок, считаю трещины, их тринадцать, я сбиваюсь на десятой, и в этот момент я замечаю его, он сидит у барной стойки, в углу, один, перед ним стакан с виски, и он смотрит на меня, впервые за все эти дни я вижу его глаза, они смотрят на моё тело, на мои движения, но они не такие, как у всех, в них нет похоти, нет масляного блеска, нет желания обладать, он просто смотрит, как будто видит меня, а не моё тело, как будто он изучает меня, пытается понять, кто я такая, и я чувствую, как моё сердце начинает биться быстрее, как внутри меня поднимается что-то, чему я не даю имени, я продолжаю танцевать, но я знаю, что он смотрит на меня, я чувствую его взгляд на своей коже, он не такой, как взгляды других, он не липкий, не грязный, он чистый, и я боюсь этого, я боюсь того, что он видит меня, что он может увидеть то, что я прячу, что он может увидеть, какая я на самом деле, и я продолжаю танцевать, двигаться,

улыбаться, но внутри меня дрожь, я не знаю, что это, я не знаю, почему его взгляд заставляет меня чувствовать себя живой, но это так, и я не могу отрицать этого.

Я заканчиваю танец, выхожу из-под света, иду к барной стойке, но не к нему, сажусь через несколько стульев, заказываю сок, и я смотрю вперёд, не поворачивая головы, но я чувствую, что он смотрит на меня, я чувствую его взгляд, он не давит, он просто есть, и я не знаю, что делать, я не знаю, как подойти к нему, как заговорить, я не знаю его имени, я не знаю, кто он, откуда он, почему он здесь, и я понимаю, что единственный человек, который может ответить на мои вопросы, это бармен, старый Тони, который работает здесь уже десять лет и знает всех, кто переступает порог этого клуба. Я поворачиваюсь к нему, он стоит за стойкой, протирает стаканы, его лицо усталое, морщинистое, глаза маленькие, но внимательные, он видит всё, что происходит в этом зале, он знает всех постоянных клиентов, всех девочек, все тайны, которые скрывает этот клуб, и я знаю, что если кто-то может рассказать мне о нём, о том парне с тёмными волосами, то только Тони.

— Тони, — говорю я, и мой голос звучит тихо, я не хочу, чтобы он услышал, я не хочу, чтобы кто-то знал, что я спрашиваю о нём, но я должна знать, я должна понять, кто он, почему он здесь, почему он смотрит на меня, почему он не смотрел раньше.

Тони поднимает глаза, смотрит на меня, и его лицо ничего не выражает, но я знаю, что он видит меня, он видит, что я хочу спросить, но я молчу, я не знаю, как начать, я не знаю, как спросить о человеке, которого я даже не знаю.

— Что-то хочешь, Ханна? — спрашивает он, и его голос такой же усталый, как и его лицо, он не удивлён, что я подошла к нему, он привык, что девочки задают вопросы, привык, что они ищут ответы, которых у них нет.

Я смотрю на него, чувствую его взгляд, он ждёт, и я понимаю, что должна спросить, что если я не спрошу сейчас, я никогда не узнаю, и я поворачиваюсь чуть-чуть, показываю глазами на барную стойку, на человека, который сидит там с виски.

— Кто он? — спрашиваю я, и мой голос звучит так тихо, что я сама едва слышу его, но Тони слышит, он всегда слышит всё.

Он смотрит на меня, потом переводит взгляд на него, на парня с тёмными волосами, и я вижу, как его лицо становится серьёзнее, он не улыбается, не усмехается, он просто смотрит на меня, оценивает, решает, сколько он может мне сказать, и я жду, я не тороплю его, я научилась ждать, потому что жизнь научила меня, что спешить некуда, что всё равно ничего не изменится, что ответы приходят только тогда, когда ты готов их услышать.

— Тот, который в углу? — уточняет Тони, и я киваю, не произнося ни слова, потому что боюсь, что если я заговорю, мой голос выдаст меня, выдаст мою надежду, мой страх, мою глупую веру в то, что он может быть кем-то важным. — Я знаю его. Он здесь уже пару месяцев. Приходит почти каждый вечер, играет наверху, выигрывает, забирает деньги и иногда спускается вниз, выпить виски. Не берёт девочек, никогда, ни разу за всё время, что я его знаю. С ним никто не разговаривает, он ни с кем не говорит, просто играет и уходит, и все называют его Фолтом.

Я смотрю на Тони, и его слова застревают в моей голове, как осколки стекла, которые нельзя вытащить, не поранившись. Фолт, его называют Фолт, как ошибка, как просчёт, как что-то, что должно быть исправлено, но не может быть исправлено, и я думаю о том, почему его так называют, почему люди дают ему это имя, что он сделал, чтобы заслужить его, и я чувствую, как внутри меня поднимается что-то, что я не могу контролировать, и я смотрю на него, он по-прежнему сидит в углу, смотрит в свой стакан, и я не знаю, что делать, я не знаю, как подойти к нему, как заговорить, я не знаю, есть ли у меня право задавать ему вопросы, которые я хочу задать.

— Фолт, — повторяю я, и это слово звучит на моём языке, я пробую его на вкус, оно горькое, как таблетки, которые я принимаю, чтобы заснуть, как дым, который я вдыхаю, когда

выхожу на лестницу, как вся моя жизнь, которая стала одной большой ошибкой. — Почему они называют его так?

Тони пожимает плечами, я вижу, как его плечи поднимаются и опускаются, он не знает, или не хочет говорить, или считает, что это не моё дело, и я смотрю на него, я хочу знать больше, я хочу понять, кто этот человек, почему он смотрит на меня, почему он не смотрел раньше, и я спрашиваю снова, мой голос становится твёрже, я не отступлю, я должна знать.

— Ты знаешь что-то ещё, Тони, ты знаешь, кто он, откуда он, зачем он приходит сюда.

— Я знаю только то, что он никогда не берёт девочек, Ханна, — говорит он, и я слышу в его голосе осторожность, он не хочет говорить мне больше, он считает, что это опасно, что я не должна знать, но я должна, я должна знать, потому что он смотрит на меня, он смотрит на меня, и я не могу оставить это без ответа. — И что он смотрит только на тебя. Я замечал. В прошлый раз, когда он был здесь, я видел, как он смотрит на тебя, когда ты танцуешь внизу. Он никогда не смотрит на других, только на тебя, и я не знаю, что это значит, но я знаю, что это не просто так, и я советую тебе быть осторожной, Ханна, он не из тех, кто прощает ошибки.

Я смотрю на него, на Тони, он смотрит на меня, я чувствую, что он хочет сказать больше, но он молчит, он считает, что сказал достаточно, и я понимаю, что больше он не скажет, что я должна сама найти ответы на свои вопросы, и я киваю, благодарю его, и чувствую, как внутри меня поднимается что-то новое, что-то, что я не могу назвать, но я знаю, что это связано с ним, с его тёмными глазами, с его спокойным лицом, с его странным именем, Фолт, и я думаю о том, что сегодня я подойду к нему, я скажу что-то, что заставит его посмотреть на меня, что заставит его заметить меня, и я смотрю на него, он сидит у барной стойки, смотрит в свой стакан, и я встаю, я подхожу к нему, медленно, осторожно, как будто иду по тонкому льду, который может треснуть в любой момент.

Следующий день встречает меня тем же серым светом, что пробивается сквозь занавески, тем же кашлем соседа за стеной, тем же лаем его старой собаки, но внутри меня что-то изменилось, какая-то тихая дрожь поселилась под рёбрами и не давала покоя, заставляя прокручивать в голове вчерашний вечер снова и снова, его взгляд, который я почувствовала на себе, когда танцевала в общем зале, его глаза, которые смотрели прямо на меня, не скользя по телу, не задерживаясь на бёдрах или груди, а впиваясь в мои глаза, и от этого воспоминания у меня перехватывало дыхание, хотя я не могла объяснить почему. Я лежала на диване, глядя в потолок, перебирая пальцами край старого пледа, и понимала, что сегодня я снова выйду на сцену и снова увижу его. Эта мысль пугала меня до тошноты, потому что я боялась, что он не посмотрит на меня снова, что вчерашний взгляд был случайностью, что я придумала его, что моё воображение, уставшее от одиночества, сыграло со мной злую шутку, и сегодня он будет сидеть у барной стойки, смотреть в свой стакан и не замечать меня, как будто я часть мебели, как будто я никогда не существовала для него.

Я встала, умылась, оделась и вышла на улицу, где солнце Лос-Анджелеса палило с той же безжалостной ясностью, с какой палило всегда.

Я пришла в клуб, спустилась в гримёрку, переоделась, накрасилась, поднялась в общий зал и вышла на основную сцену, сердце билось так сильно, что я чувствовала его удары в висках. Красный свет залил сцену, басы забили в грудь, дым поплыл над головами зрителей. Я начала двигаться, но моё тело двигалось само, я не контролировала его, я думала только о нём, о том, будет ли он здесь, сядет ли он у барной стойки, посмотрит ли на меня. И я боялась, что он не придёт, что вчерашний вечер был случайностью, что сегодня он уйдёт после игры и не спустится вниз, и я не увижу его, не почувствую его взгляда, и эта мысль была такой горькой, что я чуть не сбилась с ритма.

Я повернулась в танце, и в тот самый момент, когда мой взгляд скользнул по залу, я увидела его. Он сидел у барной стойки, не в углу, а прямо по центру, так, чтобы видеть сцену, и он смотрел на меня. Его стакан стоял перед ним, почти полный, он не прикасался к нему,

он просто сидел и смотрел, и его глаза были устремлены прямо в мои. Не на моё тело, не на мои движения, не на мои руки или бёдра, которые двигались в такт музыке, а прямо в мои глаза. Я почувствовала, как внутри меня всё оборвалось, как воздух застрял в лёгких, как сердце пропустило удар, а потом забилось с удвоенной силой. Я продолжала двигаться, потому что не могла остановиться, потому что на меня смотрели другие мужчины, но я не видела их, я видела только его, его тёмные глаза, которые смотрели на меня с таким пристальным вниманием, с такой сосредоточенностью, что казалось, он пытается заглянуть внутрь меня, прочитать мои мысли, увидеть то, что я прячу за маской улыбки и танца, и я чувствовала, как моя кожа покрывается мурашками, как мои руки начинают дрожать, и я не знала, что делать, я не знала, как скрыть свой страх, свою надежду, своё смятение.

Я танцевала и чувствовала его взгляд на себе, он был тяжёлым, но не давил, он был пронзительным, но не колол, он был таким, что я не могла спрятаться от него, не могла уйти в свою привычную пустоту, не могла отключиться и стать куклой, потому что он видел меня, он видел меня настоящую, он видел мою усталость, мой страх, мою боль, и он не отводил глаз, он продолжал смотреть, и я чувствовала, что внутри меня происходит что-то странное, я не могла дышать, я не могла думать, я только двигалась, двигалась под музыку, которая казалась мне теперь слишком громкой, слишком быстрой, слишком навязчивой. Я хотела, чтобы он перестал смотреть на меня так, и в то же время я хотела, чтобы он никогда не отводил глаз, я хотела исчезнуть и остаться одновременно, и этот конфликт разрывал меня на части.

Он смотрел на меня всё время, пока я танцевала. Каждый раз, когда я поворачивалась, я видела его, его глаза были прикованы к моим, он не опускал взгляд, он не смотрел на моё тело, он не смотрел на мои движения, он смотрел только в мои глаза, и это было невыносимо, это было страшно, это было так интенсивно, что я чувствовала себя обнажённой, но не в том смысле, в каком я обнажена перед ними всеми каждый вечер, а в другом, более глубоком, более пугающем, потому что он видел не моё тело, он видел мою душу, и я не знала, что он там видит, я боялась, что он видит всю мою грязь, всю мою боль, всё, что я пытаюсь скрыть от мира, и я не могла спрятаться, я не могла убежать, я могла только продолжать танцевать и надеяться, что музыка скоро закончится.

Когда музыка затихла, я почувствовала, как мои ноги подкосились, но я удержалась, я улыбнулась, как учили, я поклонилась, как учили, и вышла со сцены, но моё сердце колотилось так, что я слышала его стук в ушах, я чувствовала, как внутри меня всё дрожит.

Я иду по коридору, ведущему к лестнице в подвал, где находится гримёрка, и я чувствую, как дрожь пробегает по моему телу, как внутри меня всё трясётся. Я пытаюсь успокоиться, пытаюсь дышать, но дыхание сбивается, и я почти спотыкаюсь о порог, когда спускаюсь по лестнице. Я думаю о том, что я должна взять себя в руки, что я не могу позволить себе раскиснуть, что у меня ещё есть работа, что я должна танцевать, что я должна быть сильной. Я почти дохожу до двери гримёрки, когда чувствую, как чья-то рука хватает меня за запястье, сильная, грубая, пальцы впиваются в кожу так сильно, что я вскрикиваю от боли, и я оборачиваюсь, и я вижу перед собой того самого мужчину, который пытался прикоснуться ко мне в покер-руме несколько дней назад, его лицо красное, потное, глаза масляные, он пьян, я чувствую запах виски, исходящий от него, и он смеётся, глядя на меня, и я пытаюсь вырвать свою руку, но он держит меня крепко, слишком крепко, я не могу освободиться.

— Я ждал тебя, детка, — говорит он, и его голос звучит вязко, как патока, его дыхание обжигает мне лицо, я чувствую запах алкоголя, сигарет и чего-то ещё, чего я не могу определить, что-то гнилое, и я понимаю, что он ждал меня здесь, он знал, что я пойду в гримёрку, он караулил меня, как хищник караулит жертву. — Я хочу тебя, и заплачу, сколько скажешь. Не ломайся. Я знаю, что ты делаешь это не просто так. Ты танцуешь, потому что нужны деньги. Я дам тебе деньги. Много денег.

— Отпусти меня, — говорю я, и мой голос звучит тихо, дрожит, я пытаюсь вырваться, но он держит меня так крепко, что моя рука уже начинает неметь, и я чувствую, как страх поднимается внутри меня, заполняет всё моё существо, делает меня слабой и беспомощной. — Я не работаю так. Я только танцую. Это моя работа.

— Ты только танцуешь, — повторяет он, усмехаясь, и его усмешка похожа на оскал, он щерится, как пёс, который нашёл кость и не хочет её отпускать, и я чувствую, как он тянет меня в сторону, к другой двери, я не знаю, что там, я не знаю, куда он тащит меня, но я знаю, что не хочу туда идти, что я не хочу, чтобы он прикасался ко мне, что я хочу убежать, но я не могу, его пальцы впиваются в моё запястье, и я чувствую, как он сжимает его, он больно сжимает его, я чувствую, как его пальцы оставляют следы на моей коже, и я говорю снова, громче, пытаясь привлечь чьё-то внимание, но коридор пуст, все в зале, никто не слышит меня, никто не придёт мне на помощь.

— Отпусти, — повторяю я, и теперь в моём голосе звучит отчаяние, я уже не контролирую его, он срывается на крик.

— Я сказала, отпусти меня!

— Не кричи, милая, — говорит он и прижимает меня к стене, я чувствую его тело, его тяжесть, он так близко, что я чувствую его дыхание на своей шее, и меня тошнит, я чувствую, как внутри меня всё переворачивается, я хочу закричать, но крик застревает в горле, потому что страх сжимает его, я чувствую, как его руки сжимают мои плечи, он сильнее меня, намного сильнее, я не могу сопротивляться, я не могу бороться, я только чувствую, как слёзы подступают к глазам, но я не позволяю им пролиться, я не хочу плакать перед ним, я не хочу, чтобы он видел мою слабость, я смотрю на него, пытаясь удержать лицо спокойным, но внутри меня всё кричит от ужаса.

В этот момент я слышу шаги, тяжёлые и быстрые, они приближаются к нам, и я поворачиваю голову, я вижу его, того парня, того, с тёмными волосами, того, кто смотрел на меня в общем зале, он бежит к нам, и я вижу его лицо, оно не спокойное, не холодное, на нём написана злость, злость, которую я никогда не видела в нём, и он подходит к нам, он хватает мужчину за плечо, с такой силой, что тот отлетает от меня, отпуская мои плечи, и я падаю на пол, слыша, как мои колени ударяются о бетон, но я не чувствую боли, я чувствую только облегчение, я смотрю на него, на моего спасителя, он стоит передо мной, в белой рубашке и чёрном галстуке, таким я его не видела раньше, он выглядит другим, серьёзным, как будто он не игрок, как будто он кто-то другой, кто-то, кто может защитить меня.

— Оставь её в покое, — говорит он, и его голос звучит тихо, но в нём столько силы, столько холода, что мужчина, который только что держал меня, замирает, он смотрит на него с удивлением, с гневом, он не привык, чтобы ему перечили, он не привык, чтобы его останавливали, и я вижу, как он сжимает кулаки, как его лицо становится краснее.

— Ты кто такой? — кричит он, его голос срывается, он пытается казаться сильным, но я вижу, что он боится, он боится этого парня, который стоит перед ним в белой рубашке, спокойный, как лёд. — Это не твоё дело, парень. Проваливай!

— Я сказал оставить её в покое, — повторяет он и делает шаг вперёд, я вижу его руки, они сжимаются в кулаки, и мужчина делает шаг назад, он не хочет связываться с ним, он видит, что он не шутит, он видит, что он готов драться. Он поворачивается и уходит, что-то бормоча себе под нос, и я слышу его шаги, удаляющиеся по коридору. Я остаюсь одна на полу, смотрю на него, на парня, который смотрит на меня и протягивает руку.

— Вставай, — говорит он, и его голос спокойный, как будто ничего не произошло, как будто он сделал это сотни раз, как будто для него это пустяк. Я смотрю на его руку, она тянется ко мне, я кладу свою ладонь в его, и он помогает мне встать, я чувствую его руку, она тёплая, крепкая, она держит меня, и я чувствую, как внутри меня что-то меняется, как моё сердце колотится быстрее, но уже не от страха, а от чего-то другого, от чего-то, чему я не даю имени,

я встаю, я смотрю на него, на его глаза, в которых сейчас нет холода, нет спокойствия, я вижу в них что-то новое, что-то, что я не могу назвать, и я молчу, потому что слова не приходят, я не знаю, что сказать, я только чувствую, как моя рука всё ещё в его руке, и я не хочу, чтобы он отпускал меня, но я знаю, что должен, я должна сказать что-то, я должна поблагодарить его, но слова застревают в горле, и я просто смотрю на него, он смотрит на меня, и между нами стоит тишина, которая не пугает меня, которая не давит, которая просто есть, и я чувствую, как мои пальцы сжимают его руку, и он не отнимает её, он держит меня, и я чувствую себя в безопасности.

Я смотрю на него. Смотрю на его руку, которая всё ещё держит мою. Смотрю в его глаза, в которых нет ни страха, ни осуждения, только что-то тихое и тёплое, что разливается по моей груди, согревая то, что я считала замёрзшим навсегда. Он спас меня. Если бы не он, я не знаю, что бы случилось. Куда бы тот мужчина затащил меня. Что бы сделал. От этой мысли по спине пробегает холод, и я вздрагиваю, и он чувствует это, его пальцы сжимаются чуть крепче, словно он хочет сказать: я здесь, ты в безопасности, ничего не бойся.

— Спасибо, — говорю я, и голос звучит чужим, тонким, каким-то детским. Я ненавижу этот голос, ненавижу, что он выдаёт мою слабость, выдаёт, как мне страшно, как мне стыдно, что я не смогла справиться сама. Я отвожу взгляд, потому что не могу смотреть в его глаза, не могу видеть в них отражение собственной беспомощности.

— Тебе не за что благодарить, — отвечает он, и голос его мягкий, совсем не такой, каким он говорит наверху, за покерным столом. Там он холоден и расчётлив, а здесь он говорит со мной так, будто я ребёнок, которого нужно успокоить, будто он боится, что я сломаюсь, если он скажет хоть слово громче.

Я поднимаю глаза и вижу, что он улыбается. Совсем чуть-чуть, одними уголками губ. Я не видела его улыбки раньше. Она меняет его лицо, делает его почти добрым, почти тёплым, почти человеком, которому можно верить.

— Я должна идти, — говорю я, и я отпускаю его руку. Делаю шаг назад. И сразу чувствую, как холод возвращается, заполняет пустоту, которую он согрел своим прикосновением. Я обхватываю себя руками, будто могу удержать тепло, но оно уходит, как уходит всё хорошее из моей жизни.

Я разворачиваюсь и бегу.

Бегу по коридору, слыша собственные шаги, которые гулко отдаются от стен. Бегу вниз по лестнице, почти спотыкаясь, хватаясь за перила дрожащими пальцами. В голове пусто, только его лицо, его глаза, его рука, которая держала меня. Добегаю до двери гримёрки, распахиваю её, захлопываю за собой, прислоняюсь спиной к холодной поверхности и закрываю глаза.

Дышу. Пытаюсь дышать ровно, но дыхание сбивается, вырывается короткими судорожными всхлипами. Я чувствую, как слёзы подступают к глазам, обжигают их, но я не позволяю им пролиться. Не здесь. Не сейчас. Не перед зеркалом, где я увижу собственное размазанное лицо и окончательно поверю, что я никто, пустое место, девочка, которую нужно спасать. Я медленно сползаю по двери на пол, сажусь прямо на грязный бетон, обхватываю колени руками и утыкаюсь в них лицом. Плечи трясутся, но я не плачу. Я просто сижу и чувствую, как внутри меня что-то меняется, как лёд, который я носила в груди столько лет, начинает таять.

Не знаю, сколько я так сижу. Может, минуту. Может, десять. Я слышу шаги в коридоре, потом тишину, потом снова шаги. Дверь открывается, и я поднимаю голову. Дакота. Она смотрит на меня, и в её глазах я вижу страх. Она видит моё лицо, размазанную тушь, дрожащие руки, и она опускается рядом со мной на корточки, кладёт руку на моё плечо.

— Ханна, что случилось? — голос её мягкий, как у матери, которой у меня никогда не было. — Ты вся дрожишь. Кто-то сделал тебе больно?

Я качаю головой, но не могу выдавить из себя ни слова. И тогда я просто падаю в её объятия. Она обнимает меня, прижимает к себе, гладит по волосам, и я чувствую, как её руки

сжимают меня, как будто она хочет удержать меня от падения. Мне холодно, мне страшно, мне стыдно, и я не знаю, что сказать, чтобы она поняла, что со мной произошло что-то важное, что-то, что изменило меня, но я ещё не готова говорить об этом. Я просто молчу и позволяю ей держать меня, и это единственное, что я могу сделать сейчас.

— Кто-то пытался затащить меня в комнату, — говорю я наконец, и мой голос звучит глухо, как из-под воды. — Тот мужчина из покер-рума. Он ждал меня в коридоре.

Дакота замирает, я чувствую, как её тело напрягается.

— Он сделал тебе больно?

— Нет. Кто-то пришёл. Он оттолкнул его.

— Кто? — спрашивает Дакота, и я чувствую, как её пальцы сжимают моё плечо.

Я поднимаю глаза и смотрю на неё. Внутри меня всё дрожит. Дакота молчит. Она смотрит на меня долго, слишком долго, и я вижу, как в её глазах появляется что-то новое, что-то, чего я не могу прочитать. Она не спрашивает больше, она просто кивает и прижимает меня к себе крепче, и я чувствую, что я не одна, что рядом есть кто-то, кто держит меня, и это даёт мне силы дышать дальше.

Смена заканчивается в три часа ночи. Я выхожу через чёрный вход и чувствую, как ночной воздух касается моего лица, влажный, прохладный, пахнущий пылью и выхлопными газами. Лос-Анджелес никогда не спит, даже в три часа ночи здесь шумно, где-то далеко гудит шоссе, мимо проезжают редкие машины, и я иду по пустой улице, не к остановке, а просто пешком. Автобусы уже почти не ходят, а у меня нет денег на такси, и я знаю, что до мотеля нужно идти около получаса, но мне всё равно. Лучше идти, чем сидеть в гримёрке и думать о нём, о том, как он смотрел на меня, как его рука держала мою, как он оттолкнул того мужчину, как он спас меня. Лучше идти, чем сидеть и вспоминать, как я убежала от него, как я испугалась собственных чувств, как я позволила страху взять верх над тем, что я чувствую.

Я иду по тротуару, мимо закрытых магазинов, мимо пальм, которые качаются от лёгкого ветра, мимо редких прохожих, которые спешат по своим делам. В кармане моей старой куртки лежат несколько монет и пара смятых купюр. Я пересчитываю их на ходу. Шесть долларов. Шесть долларов на неделю, а до зарплаты ещё три дня. Я не ела нормально уже два дня, только хлеб и воду, и желудок сводит от голода так, что я чувствую тошноту. Я останавливаюсь у круглосуточного магазина. Стеклянная дверь, жёлтый свет внутри, пустые полки и одинокий продавец за кассой, который смотрит в телефон, не поднимая глаз.

Я захожу внутрь. Тихо, уютно, пахнет кофе и чистящим средством. Я беру корзину и прохожу между рядов. Хлеб, самый дешёвый. Пачка дешёвых макарон. Банка тушёнки, тоже самой дешёвой. И бутылка воды. Я считаю в уме. Хлеб — доллар двадцать. Макароны — доллар пятьдесят. Тушёнка — два сорок. Вода — доллар. Выходит шесть десять. У меня шесть ровно. Я смотрю на воду и ставлю её обратно на полку. Воды нет. Есть только я, голод, стыд и шесть долларов, которых не хватает на десять центов. Десять центов отделяют меня от того, чтобы поесть сегодня, и я стою перед кассой, чувствуя, как к лицу приливает жар.

Продавец поднимает глаза, смотрит на меня, потом на мои товары. Он не говорит ничего, но я вижу его взгляд, усталый, безразличный, ему всё равно, куплю я эти макароны или нет, он просто ждёт, пока я решу. Я пересчитываю монеты в ладони, чувствую, как они холодные и грязные. Шесть долларов. Мне нужно шесть десять. Я не могу попросить у незнакомого человека десять центов. Я не могу попросить скидку. Я просто стою, сжимая деньги в кулаке, и чувствую, как внутри меня поднимается тошнота, голод, стыд и злость на себя за то, что я не могу позволить себе даже хлеб.

И тогда я слышу шаги за спиной. Кто-то заходит в магазин. Я не оборачиваюсь, я продолжаю смотреть на свои товары, на свои монеты, на свои шесть долларов, которых не хватает. А потом я вижу руку. Она тянется мимо меня к кассе, на неё ложится купюра, и я слышу голос, низкий, спокойный, до боли знакомый:

— Добавьте воды. И ещё вот это.

Я поднимаю глаза. Он стоит рядом со мной, в той же белой рубашке, но без галстука. Его рука лежит на стойке, он протягивает продавцу двадцатку. Я смотрю на него, и у меня перехватывает дыхание. Я не знаю, что сказать. Я не знаю, что думать. Я смотрю на его профиль, на его спокойное лицо, на его глаза, которые даже не смотрят на меня, просто делают покупку, как будто это самое обычное дело в мире.

Продавец берёт деньги, пробивает товары, упаковывает их в пакет. Я стою, как вкопанная, и чувствую, как мои руки трясутся. Я смотрю на него, как он забирает пакет и ставит его передо мной на стойку. Я смотрю на него, как он протягивает продавцу вторую купюру и берёт пачку сигарет, которую выбрал на кассе. Я смотрю на него, как он убирает сигареты в карман, поворачивается и идёт к выходу, даже не взглянув на меня, как будто он ничего не сделал, как будто это не он только что купил мне еду.

— Подожди, — говорю я, и голос мой срывается, я почти кричу, но он уже выходит за дверь, я хватаю пакет и бегу за ним, выбегаю на улицу, на пустынную ночную улицу, и я вижу его спину, он идёт по тротуару, и я догоняю его, хватаю за рукав белой рубашки.

— Подожди, — повторяю я, и я стою перед ним, запыхавшаяся, с пакетом в руках, и я смотрю на него, и слова застревают в горле, потому что я не знаю, что сказать, как поблагодарить его за то, что он снова спас меня, за то, что он купил мне еду, за то, что он дал мне воды, когда у меня не было даже десяти центов.

— Я отдам тебе, — говорю я, и мой голос дрожит, и я чувствую, как внутри меня поднимается стыд за то, что я должна брать у него деньги, за то, что я не могу сама заплатить за хлеб, за макароны, за воду. — Я отдам, как только получу зарплату, я обещаю.

Он качает головой, и я вижу, как его губы чуть заметно изгибаются в улыбке.

— Это просто еда.

Он поворачивается и уходит, я смотрю ему в спину, держа пакет с едой в руках. Он уходит, не оборачиваясь, его шаги звучат в ночной тишине. Я стою и смотрю ему вслед, внутри меня что-то переворачивается. Я смотрю на его спину, на его белую рубашку, смотрю на его руки, которые висят вдоль тела, на его тёмные волосы, на его силуэт, который становится всё меньше и меньше. Я стою на месте, смотрю, как он сворачивает за угол, он исчезает и я остаюсь одна, держа в руках пакет с едой, которую он купил мне, с водой, которую он добавил к моим товарам, когда я не могла позволить себе даже её, и я чувствую, как по моим щекам скатываются слёзы, горячие, и я не знаю, от благодарности или от стыда, от одиночества, или от того, что этот человек, которого я не знаю, который для меня только Фолт, ошибка, просчёт, сделал для меня больше, чем кто-либо в моей жизни за последние годы.

Я стою на тротуаре с пакетом в руках, смотрю в ту сторону, где он скрылся за поворотом. Внутри всё ещё дрожит, будто я только что пережила что-то важное, что-то, что способно изменить мою жизнь, хотя я не знаю, изменит ли. Вглядываюсь в темноту, где растворился его силуэт, и чувствую, как пальцы сжимают края пакета. Он купил мне это. Просто взял и заплатил, не спросив, не объяснив, не требуя ничего взамен. От этой мысли внутри разливается странное тепло, которое я не могу назвать, потому что боюсь, что если назову его, оно исчезнет, как исчезает всё хорошее в моей жизни. Поднимаю глаза к небу, к редким звёздам, которые проглядывают сквозь ночную дымку, и понимаю, что он уже далеко, наверное, уже забыл о случившемся, о том, что купил мне еду, когда я не могла позволить себе даже воды. Эта мысль колет где-то под рёбрами, но я отгоняю её. Сейчас не время думать о нём. Сейчас надо думать о том, как продержаться до зарплаты, как не потерять себя окончательно.

Я иду дальше по пустым ночным улицам, ветер шевелит волосы, остывшая после духоты кожа покрывается мурашками, но холода я не чувствую. В голове пустота, хотя мысли вертятся вокруг одного, вокруг сегодняшнего вечера, вокруг того, как он посмотрел на меня в общем зале, прямо в глаза, не на тело, а в глаза, будто видел меня насквозь, будто знал, что я чув-

ствую, что я думаю, что я хочу. Вспоминаю его руку, которая держала мою, его голос, мягкий и тёплый. Вспоминаю его в магазине, купюру на стойке, пакет с едой, который он поставил передо мной. Всё это теснится в груди, заполняет пустоту, которая жила там годами, и я не знаю, что с этим делать.

Прохожу мимо закрытых кафе, мимо спящих домов, мимо пальм, которые шелестят листьями на ночном ветру. Смотрю на пакет в руках. Хлеб, макароны, тушёнка, бутылка воды. Этого хватит на несколько дней, если растягивать. В мотеле осталось немного риса, купленного на прошлой неделе. Если есть один раз в день, можно продержаться до субботы, до зарплаты. В уме пересчитываю, скол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.